

Алексей Пшенов

ЗАГОВОР АСТРОНОМОВ

Алексей Пшенов
Заговор астрономов

«Издательские решения»

Пшенов А.

Заговор астрономов / А. Пшенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938222-1

В стародачном подмосковном посёлке тихо и незаметно живёт «безработный рантье» Саша Капитонов. Его размеренная жизнь заканчивается, когда у соседней заброшенной дачи появляется новая хозяйка, а его собственный дом посещает шаровая молния.

ISBN 978-5-44-938222-1

© Пшенов А.
© Издательские решения

Содержание

✓	6
Заговор астрономов. Пролог	7
ЧАСТЬ 1	8
ОГНИ СВЯТОГО ЭЛЬМА	8
Глава 1. Суббота	9
Глава 2. Воскресенье	19
Глава 3. Понедельник	23
Глава 4. Вторник	28
Глава 5. Среда	31
Глава 6. Четверг	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Заговор астрономов

Алексей Пшенов

© Алексей Пшенов, 2018

ISBN 978-5-4493-8222-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Заговор астрономов» написан ещё в 2007 году, но до сих пор не издавался. Это мой первый и самый любимый роман.

Заговор астрономов. Пролог

Мальчик третий день ходил по краю совхозного поля. Длинной деревянной рогаткой он, словно миноискателем, раздвигал невысокую, но довольно плотную траву и внимательно смотрел себе под ноги и. Иногда мальчик нагибался и, подняв с земли какой-нибудь камушек, придирчиво осматривал его со всех сторон. Потом, с сожалением покачав головой, он отбрасывал камушек к просёлочной дороге, огибавшей поле со стороны ручья, и с недетской сосредоточенностью продолжал свои поиски. Дремавшие возле ручья коровы и угрюмый бык, ревниво следивший за своим гаремом, давно не обращали на мальчика никакого внимания, и только пожилой пастух на пегой прихрамывающей кобыле изредка подъезжал к мальчику, задавая одни и те же вопросы:

– Ну, что, не нашёл?

– Пока нет.

– Может, он не здесь упал?

– Здесь, – уверенно отвечал мальчик.

– Если найдёшь, покажешь?

– Конечно.

– Ну, ищи, ищи... – с ироничным сочувствием кивал головой пастух и неспешно возвращался к своим коровам.

Когда после полудня пастух, оглушительно хлопая кнутом, погнал своё стадо на дневную дойку, мальчик грустно вздохнул и, вспомнив про ждущий дома обед, вернулся к дороге. Привычно глядя под ноги, он медленно побрёл по пыльной обочине к переправе через ручей, за которой начиналась тропинка, ведущая через лес к дачному посёлку. Пройдя метров двадцать, мальчик остановился и присел на корточки. Рядом с тропинкой лежал плотно вдавленный в сухую спекшуюся землю тёмно-бурый камень с золотистыми вкраплениями. По форме он был похож на рубило первобытного человека из учебника истории за четвёртый класс.

– Так, вот ты какой! – восхищённо пробормотал мальчик и попробовал выковырнуть свою находку из земли, но тут же отдернул руку. Странный камень оказался горячим, словно пирожок только что вынутый из духовки. Мальчик удивлённо посмотрел на нежаркое августовское солнце, подёрнутое лёгкой августовской дымкой, послунял указательный палец и, ещё раз дотронувшись до камня, снова отдернул руку, будто его ударило электрическим током. Тогда он снял с себя выцветшую ковбойку и расстелил её на траве рядом с камнем. Потом палочкой-рогаткой он вывернул свою необычную находку из земли и аккуратно закатил её на рубашку. Туго связав рукава, мальчик весело помахал получившимся узелком вслед уходящему на ферму стаду и вприпрыжку побежал к переправе через ручей.

ЧАСТЬ 1

ОГНИ СВЯТОГО ЭЛЬМА

*И думая, что дышат просто так,
Они внезапно попадают в такт
Такого же – неровного – дыханья.
В. Высоцкий*

Глава 1. Суббота

От терпкого запаха земляники у Саши уже кружилась голова. Солнце наконец-то выбралось из-за сосен, и над огородом задрожало влажное марево испаряющейся росы. От долгого ползания по грядкам ноги у Саши затекли до бесчувствия, а поясница ныла все сильнее. Устало посмотрев на оставшиеся не обобранными крупные изумрудные кусты, он беззлобно пробормотал: «А пошли бы вы...» – и, поднявшись с коленей, с удовольствием потянулся. Потом мужчина поднял корзины, наполненные влажными ароматными ягодами, и, перейдя через ручей, мимо хаотичного нагромождения разноцветных кособоких сарайчиков, направился к дому.

Дом был большой и старый, – классическая зимняя дача тридцатых годов, рубленая из огромных лиственничных брёвен, с тремя теплыми комнатами и кухней на первом этаже, застекленной летней террасой и просторной мансардой, выходящей торцевыми овальными окнами на восход и на закат. В северном скате крыши имелось большое мансардное окно, придававшее старой подмосковной даче какой-то иноземный шарм. Говорили, что первый владелец дачи, профессор истории, был еще и астроном-любитель и, едва ли не собственными руками прорубил это диковинное в те времена окно, чтобы спокойно любоваться ночным небом. С той поры к средней комнате мансарды, где оно находилось, навсегда прилипло прозвище – обсерватория. Незадолго до войны профессор благодаря бдительности своих коллег сменил гражданский костюм на лагерный бушлат и отправился на далекий Север добывать золото для родной страны, а дача, сменив нескольких хозяев, в середине пятидесятых годов досталась Сашиному деду, мелкому отставнику из МГБ. Попав в профессорский кооператив, расположенный в сосновом бору, дед, потомственный крестьянин, был немало удивлен.

– Только медведи живут в лесу, – тихо бурчал он, деловито подрубая корни вековых сосен на своем участке.

Расправившись практически со всеми затенявшими землю деревьями, дед разбил за протекавшим через участок ручьем, обильно удобренный навозом огород, протянул по периметру забора, словно колючую проволоку, двойной ряд малины, а дорожку от ворот к дому обсадил кустами крыжовника и смородины. К счастью, участок деда был угловой, и вся его бурная хозяйственная деятельность протекала в стороне от любителей дикой природы, проживавших в кооперативе научных работников. Единственной его соседкой была Ольга Константиновна Муромская – вдова известного химика Корнеева. Потомственная княгиня, всякое повидавшая в своей жизни, абсолютно невозмутимо смотрела на то, как её новый сосед истребляет реликтовых великанов. Детей и родственников у Муромской не было, и на даче с ней всё лето проживали Орловы – потомки её ещё дореволюционной прислуги. В их семье было четыре человека: тетя Нина, которая, продолжая традицию своих родителей всю жизнь прослуживших у Муромских, трудилась домработницей у Ольги Константиновны, обслуживая ее летом на даче, а зимой в городе; ее муж – дядя Толя, работавший токарем на заводе и проводивший все свои отпуска на даче с молотком и ножовкой в руках, всё время что-то мастеря и ремонтируя; дочь Лена – серьезная пухленькая девочка с толстой рыжей косой, в смешных круглых очках, целыми днями бродившая с сачком по ближнему лесу в поисках бабочек и стрекоз; и сын Павлуша – карапуз вечно перемазанный зеленкой, носившийся по огромному участку Муромской с игрушечным луком в руках и куриными перьями в волосах. Жили они в отдельном летнем домике, который дед презрительно именовал собачьей будкой.

– Барыня живет во дворце, а её слуги спят в конуре! – возмущался он в неожиданных порывах классовой неприязни. – А, между прочим, бар у нас еще в семнадцатом году отменили.

Когда однажды Сашина бабка случайно проговорила ему о том, что это именно Муромская купила Орловым машину, да ещё и новую кооперативную квартиру на Пресне, дед сначала

согласился, что за такие блага можно и побатрачить, но минут через десять с гордым пафосом старого большевика заявил:

– А откуда у неё взялись эти деньги? Она ни одного дня в своей жизни не проработала. Значит, в революцию ее не дожали, и эти деньги награблены у трудового народа, и данное имущество подлежит конфискации в пользу нашего Советского государства.

Бабка сочувственно покачала головой и выразительно покрутила пальцем у виска, дед виновато осекся и замолчал, но с этого дня напрочь перестал здороваться с Ольгой Константиновой.

Соседство с настоящей княгиней сильно тешило крестьянское самолюбие Сашиной бабки, и она настойчиво искала ее дружбы. Сошлись старушки на почве цветов: одна выращивала их для продажи, другая для души. Как-то раз в самом начале лета Муромская неожиданно пригласила свою соседку к вечернему чаю. На открытой веранде, за старинным угольным самоваром с конфетами и домашним печеньем, бабка долго рассказывала ей об особенностях ухода за розами и пионами, о сортах гладиолусов и тюльпанов, о подкормках и удобрениях. С тех пор старушки, обязательно, раз в неделю собирались посидеть в плетеных креслах за тульским самоваром, чтобы поговорить о цветах, погоде и поселковых новостях. Иногда на эти посиделки бабка брала с собой Сашу.

– А вот и жених пожаловал! Правда, он всего лишь на два года старше нашей Леночки, но теперь, говорят, модно жениться на своих ровесниках, – шутила Ольга Константиновна, вызывая на Сашиних щеках смущенный румянец.

– Иди, молодой человек, погуляй, незачем нас стариков слушать, – говорила она ему, обычно после первой чашки чая, и Саша вежливо сказал: «Спасибо», – за спинами увлеченно беседующих старушек незаметно проскальзывал вглубь всегда манившего его огромного дома Муромской. В наступающих сумерках, неторопливо заполнявших комнаты, явственно ощущался запах давно ушедшего времени, и чем темнее становилось за окнами, тем острее становился этот старинный запах, заставляя сердце биться быстрее, а кожу покрываться мелкими мурашками.

В надвигающемся полумраке громоздкая старинная мебель, заполнявшая дом, вдруг меняла свои привычные очертания и, мальчику казалось, что вот-вот из темных углов выйдут ожившие призраки той навсегда исчезнувшей эпохи, от которой только всего и осталось, что эта мебель. Когда эти исторические сумерки сгущались настолько, что маленькое Сашино сердце уже было готово выскочить из груди, он пробегал к открытому окну в дальней комнате, осторожно лавируя между цветочными горшками, забирался на подоконник и выпрыгивал на мягкий, аккуратно подстриженный газон. А потом возвращался к мирному чаепитию на террасе под выцветшим полотняным абажуром с кружащими вокруг него ночными мотыльками.

Несколько раз Саша бывал в доме и днём, но в ярком солнечном свете это была просто очень большая двухэтажная дача из девяти комнат, заставленных массивной старинной мебелью, знававшей когда-то иные интерьеры, а теперь расставленной по принципу «где поместится». Чего здесь только не было: потертые кожаные диваны и громоздкие дубовые буфеты; резные комоды, уставленные фарфоровыми безделушками и огромные книжные шкафы без книг; чудовищных размеров шифоньеры и напольные двухметровые часы с глухим басовым боем, – не было только того таинственного запаха времени, который появлялся по вечерам. В этом Саша мог поклясться. Был только тонкий запах пыли и какого-то сладковатого разложения, свойственный старым вещам. При дневном свете дом терял свою притягательно-таинственную ауру. Он оживал только ночью. Поэтому иногда, перед сном, Саша подходил к восточному окну мансарды, выходящему на участок Муромской, и до рези в глазах всматривался в черную громаду соседской дачи, стараясь представить себе, что же там делает сейчас княгиня наедине со своими призраками.

Прошло время. Саша окончил школу, поступил в институт и уже забыл о своем детском развлечении – бродить тайком в сумерках по таинственному соседскому дому, когда, приехав однажды в начале лета на дачу, он увидел удивительную картину. По дороге от распахнутых ворот Муромской дед вез к своей даче, с трудом балансируя на одноколёсной тачке, гигантский комод. Со стороны все это – маленький дед в потертой клетчатой кепке и огромный раскачивающийся сундук – так было похоже на какую-то клоунскую пантомиму, что Саша рассмеялся.

– Чего лыбишься, студент? Иди помогать, – устало проворчал дед, поставив тачку на землю и вытирая кепкой вспотевший лоб.

Когда Саша взялся за ручки тачки, ему стало не до смеха. Комод весил не меньше центнера и все время норовил завалиться набок, поэтому, докатив его до крыльца, Саша зло сплюнул и спросил:

– И зачем нам этот гроб? Ольга Константиновна нас им премировала за какие-то заслуги?

– Барыня поместье свое продает, а всю мебель нашей бабке подарила, – жизнерадостно ответил дед. – Так что ты вовремя приехал.

– А чего она дачу тете Нине не подарит? – удивился Саша, сразу же вспомнив о соседской прислуге.

– Не может – они не родственники. Муромская может только продать дом, да и то исключительно очереднику из дачного треста и непременно по остаточной балансовой стоимости, – назидательно покачивая указательным пальцем, ответил дед. – Это ведь дачный кооператив, а не какая-нибудь частная лавочка. А зимой Муромская сильно болела...

Но Саша уже не слушал деда, до него, наконец, дошел смысл слов, сказанных о мебели. Он вспомнил циклопические шкафы и буфеты Ольги Константиновны и ужаснулся открывшейся перспективе.

– Ты действительно собираешься забрать всю мебель? – обречённо поинтересовался он у деда.

– А как же! – с азартом истинного коллекционера ответил тот. – Настоящее дерево, как теперь говорят – массив! Дуб, орех, палисандр, карельская береза! Старая работа – антиквариат! Теперь такое не делают!

«И, слава богу», – подумал Саша, а вслух сухо заметил:

– Вся мебель у нас в доме не поместится.

– Поместится, – уверенно ответил дед и махнул рукой в сторону гостеприимно распахнувшего двери уродливого «шанхайчика».

Лет сорок назад, при прежних хозяевах, это была обычная летняя кухня с маленькой террасой. Но с появлением деда ее вид и назначение стали круто меняться: первым был пристроен большой дровяной сарай, к которому со стороны ручья прилепился летний душ, следом появились сарай для инструментов и кладовка для удобрений. Потом дед стал строить баню, вместо которой вышел очередной сарай, к которому пристроилось еще несколько кладовушек. Весь этот конгломерат был создан из материалов, собранных по окрестным свалкам, окрашен во все цвета радуги и имел весьма футуристический вид, а за обилие торчащих во все стороны дверей, бабка прозвала его «шанхайчиком», заявляя, что там можно поселить пол-Китая. Теперь «шанхайчик» стоял абсолютно пустой, вычищенный от прежнего хлама, даже дрова были сложены на улице под навесом, и ожидал новых постояльцев.

– Ладно, – махнул рукой Саша, – только таскать будем не через улицу, а напрямую. Сломаем часть забора.

– А как же малина? – возмутился дед.

– Тогда вози один, – флегматично ответил Саша.

– Ладно, – тяжело вздохнув, согласился старик.

Два дня Саша, кляня искусство старых краснодеревщиков, щедрость Муромской и скаредность деда, наполнял бездонные недра «шанхайчика». Несколько самых неподъемных

вещей дед с бабкой решили внести в дом. Это были: дубовый буфет, палисандровый шифоньер размером с табачный ларёк и необъятных размеров кровать карельской березы, которая почти полностью заняла одну из трех теплых комнат.

– Зачем вам эта кровать? – обливаясь потом и задыхаясь, спросил Саша.

– Хочу поспать по-княжески, – самодовольно ответил дед.

– Да, хорошая постелька, – вторила ему бабка.

Она рассказала Саше, что покупатель, присланный из дачного треста – Леонид Леопольдович Линдэ – явный жулик; что дача по балансу стоит десять тысяч рублей, а Муромская хотела пятьдесят, и это вполне нормально за такую дачу и в таком месте; но Линдэ сначала давал всего двадцать, а в итоге, через неделю, согласился на сорок, но он несомненно обманет Ольгу Константиновну. Саша слушал бабку вполуха. Все эти выкладки молодого человека не интересовали и единственное, что радовало его, это персональный подарок Муромской – двухметровые напольные часы восемнадцатого века с гулким тяжёлым боем. Через день Саша уехал в Москву с твердым решением вернуться на дачу только осенью, когда будет нужно помочь старикам перебраться на зиму в город.

Подходя в конце октября к поселку, Саша издали уловил какое-то неприятное изменение в привычном пейзаже а, подойдя ближе и услышав глухие удары кувалды, понял: дома Муромской больше не было. Придя на дачу, Саша, едва поздоровавшись со стариками, сразу поднялся в мансарду, чтобы из восточного окна посмотреть, что же творится за глухим трехметровым забором, окружавшим теперь, бывший участок Ольги Константиновны. Посреди растоптанных газонов и раздавленных цветочных клумб, на месте бывшего дома, щерилась большая черная яма, в которой двое рабочих отбойным молотком разбивали остатки кирпичного фундамента. У ворот, разложив прямо на багажнике новенькой белой «Волги» какие-то синьки с чертежами, подтянутый загорелый мужчина в джинсовом костюме деловито втолковывал что-то другому: толстому, лысоватому, с папкой под мышкой. Летний домик Орловых превратился теперь в бытовку – дверь нараспашку, крыльцо почернело от натоптанной грязи. По всему периметру огромного участка были сложены стройматериалы: бревна, доски, кирпичи, мешки с цементом. И только одичавший вишеник за ручьем, который Муромская за его оторванность от основного участка называла «вишневым островом», оставался в своем первоначальном виде.

– Видел? – проворчал дед, когда Саша спустился вниз. – Какой жулик! Это ж надо, такой дом сломать! Теперь, наверное, дворец будет строить. И куда только наша партия смотрит?

Партия в том году смотрела куда надо. Во главе её стоял лубянский предтеча всех последующих реформаторов и отчаянно пытался хоть что-нибудь изменить в перекошенной стране. Поэтому никакой дворец Линдэ строить не стал, а возвел к следующей осени точно такой же дом, только из новых материалов и с новой начинкой. Он бережно восстановил все газоны, цветники и клумбы, освежил летний домик, а единственной новой постройкой стал гараж. Новый хозяин жил тихо и незаметно до тех пор, пока страну не залихорадило от неожиданных перемен. Тут Леонид Леопольдович проявил недюжинный энтузиазм: он стал одним из столпов только зародившегося кооперативного движения, учредил какую-то биржу и основал какой-то банк. За несколько лет его благосостояние выросло до невиданных, по меркам нищающих обитателей профессорского кооператива размеров. Занятый своими бесконечными делами Линдэ теперь появлялся на даче редко, в основном по выходным, чтобы отдохнуть на природе в компании друзей, но однажды произошло что-то непредвиденное. В ту пятницу в середине девяностых он приехал на дачу только с женой и охраной и из-за грозы весь вечер просидел в доме. А когда небо, наконец, успокоилось, на даче поднялась невероятная суматоха: во всех комнатах зажегся свет; послышались крики, топот, и ругань, женский плач и мужской мат; во двор высыпали охранники и через несколько минут три мощных внедорожника, режа фарами плотный мрак июльской ночи, рванули от поселка к шоссе, чтобы никогда больше не возвращаться

назад. С этого момента Линдэ исчез: он больше не мелькал на телеэкране, о нём не писали больше в газетах, он перестал публично существовать и про него скоро забыли. А дом, наглухо закрытый ставнями, стоял, дряхлая и линия, и ни одна живая душа за десять лет не переступила его порога. Но сегодня на рассвете, собираясь в огород, Саша по привычке выглянул в восточное окно и неожиданно увидел посреди соседского участка маленький белый джип, неловко въехавший в одичавшую цветочную клумбу.

Поставив корзинки с ягодами в холодильник, Саша поднялся в мансарду и снова подошел к восточному окну. За три часа ничего не изменилось: заброшенный дом был, как всегда тих и безмолвен, а белый джип с пузатыми боками, похожий сверху на гигантский гриб-дождевик, прорастал среди буйной зелени на прежнем месте. Саша взглянул на часы, зевнул и, не раздеваясь, лег на старую пружинистую кушетку, стоявшую возле окна.

***

Ровно в полдень по всему дому начался перезвон. Сначала тонкими мелодичными колокольчиками зазвенели каминные часы в обсерватории, потом тяжёлым басом ухнули на первом этаже напольные часы Муромской, следом за ними прокурено захрипел старый будильник в западной комнате мансарды, и, наконец, невидимым молоточком-метроном размеренно застучал мобильный телефон, лежащий на подоконнике. Открыв глаза, Саша с минуту неподвижно лежал, глядя в потолок, потом встал, закурил и подошел к окну. Впервые за десять лет соседний дом изменил свой уныло-заброшенный вид. Распахнутые настежь входные двери, чисто вымытые окна второго этажа и полукруглое чердачное окошко, казалось, приглашали зайти в гости, и, даже остававшиеся всё ещё наглухо задраенными тяжелыми ставнями, нижние окна не могли испортить этой картины гостеприимства. Однако никаких людей возле дома по-прежнему не было ни видно, ни слышно. Саша стал внимательно рассматривать буйную растительность соседского участка и вскоре на декоративном горбатом мостике через ручей заметил неподвижно замершую женскую фигуру. Зеленый спортивный костюм делал незнакомку почти незаметной на фоне вишенника, и только медно-огненные волосы ослепительно блестели на ярком полуденном солнце. Облокотившись на кованые перила и наклонив голову так, что её лица не было видно, женщина смотрела на бегущую под мостик воду. Простояв абсолютно неподвижно минут пять, она неожиданно резко развернулась и скрылась в густых зарослях «вишневого острова». Так когда-то называла дальнюю, отрезанную ручьем часть своего участка Ольга Константиновна Муромская.

– Кто это? – раздался у Саши за спиной глухой, как из бочки, голос.

Саша вздрогнул, но не обернулся.

– Не знаю, – с напускным безразличием ответил он. – Сегодня ночью приехала.

Гость облокотился на подоконник рядом с Сашей. Это был высокий атлет лет сорока с открытым добродушным лицом, в майке-обрезухе и пестрых спортивных штанах. На левой руке его, между запястьем и локтем, мчалась на распущенных украшенных крестами парусах синяя колумбовская каравелла.

Со стороны вишневого острова раздался сначала противный металлический скрип, а потом громкий хлопок.

– Что это? – спросил атлет, тщетно пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в непролазных дебрях одичавшего вишенника.

– Калитка, которая выходит прямо в лес. Ее ещё дядя Толя для Муромской сделал, чтобы ей на прогулку ходить удобней было.

– А ты чего себе такую калитку не сделаешь?

Саша промолчал, и гость стал так тщательно рассматривать соседский дом, будто увидел его впервые. Потом он переключил внимание на пузатый трёхдверный джип, по-прежнему упирившийся в клумбу.

– Дом ещё хороший, а вот машина у твоей новой соседки какая-то неприличная, – резюмировал он.

– А почему ты решил, что это новая соседка? Может, это прислуга Линдэ приехала дом проведать и проветрить.

– Может...

Вдалеке опять заскрипела и хлопнула калитка. Мужчины, как по команде, повернули головы к вишеннику. Через минуту на мостике появилась незнакомка и легкой трусцой побежала по дорожке, ведущей от ручья к дому. Огненные волосы, собранные на затылке в конский хвост, весело подпрыгивали в такт её ровному бегу. Около открытой веранды женщина остановилась и, видимо, почувствовав, что за ней наблюдают, завертела головой по сторонам. Наконец, она догадалась посмотреть вверх и, прикрыв ладонью глаза от бьющего ей в лицо солнечного света, увидела высунувшихся в окно мужчин.

– Привет! – фамильярно прогудел Сашин гость и тут же бесцеремонно поинтересовался: – А вы кто?

– Здравствуйте! Я ваша новая соседка – меня зовут Лена., – громко и четко представилась женщина. – Теперь я буду жить в этом доме.

Лёгкое грассирование и специфичное произношение некоторых букв придавали её абсолютно правильной речи какой-то иностранный акцент.

«Интересно, откуда она приехала?» – подумал Саша, разглядывая загорелое, ухоженное лицо, ничего не говорившее о настоящем возрасте Лены. Ей могло быть как тридцать, так и пятьдесят лет.

– Меня зовут Влад, а это: мой брат Саша, – продолжал гудеть атлет. – А вам случайно никакая помощь не требуется?

– Еще как требуется! – обрадовалась женщина. – Я не могу открыть ставни, и у меня проблема с водой.

– Проблема с водой?! Да её здесь целый ручей, – иронично усмехнулся Влад. – Ладно, сейчас поможем чем сможем.

Когда через пару минут они поднялись на соседскую веранду, Лена, внимательно глядя в Сашино лицо темными ореховыми глазами, неожиданно спросила:

– А вы не внук Ирины Гавриловны?

– Внук, – удивлённо ответил Саша. – А откуда вы знаете мою бабушку?

– Я Лена Орлова, дочь тети Нины, помните?

Саша сразу вспомнил нелепую пухленькую девочку с толстой рыжей косой в смешных круглых очках и подумал, что если теперь на его глазах тыквы начнут превращаться в кареты, а мыши в лошадей, то ничего удивительного в этом не будет.

– Надо же, – только и смог он выдать в ответ.

– А я вас сразу узнала! – улыбнулась Лена. – Давайте перейдем на ты.

– Давайте, – живо согласился, вместо впавшего в лёгкий ступор Саши, Влад и тут же тоном заправского сантехника спросил:

– Так какие у тебя проблемы с водой, хозяйка?

– Пропала вода, – рассмеявшись, развела руками Лена. – Мне надо помыть полы, а воды а доме нет.

– Сейчас найдем, – весело прогудел атлет, и уверенно шагнул в широко распахнутые двустворчатые двери.

Линдэ в свое время серьезно поработал над домом – теперь в нем были большая ванная, два туалета и просторная кухня с газовой колонкой. Все комнаты, кроме спальни и кухни, стояли пустые и пыльные. В спальне остались вычурная кованая кровать и тумбочка с небольшим черным телевизором, а кухня была обставлена полностью, не хватало только столовых приборов. Воды в доме действительно не было, хотя все вентили были открыты.

– А где у тебя находится насос? – спросил Саша.

Лена недоуменно пожала плечами:

– А вход в подвал?

– Не знаю.

Недолгие поиски привели к небольшой запертой двери под лестницей, ключей от которой у Лены естественно не оказалось. Когда Влад взломал замок и зажег свет, все ахнули от удивления: подвал был размером с небольшое бомбоубежище. В одном углу огромного бетонного бункера находились два насоса и дизельный генератор, а в другом валялась куча истлевшего тряпья, над которой в стену было вбито массивное стальное кольцо с заржавелой цепью. Мужчины спустились вниз по металлической лестнице и, открыв задвижки, запустили один из насосов.

– Мрачное место, – поежилась, выходя из подвала, Лена. – Одна я бы сюда не пошла.

– Да, – согласился Саша, выключая свет, – не хватает только бородатого скелета в лохмотьях...

– Этот Линдэ здесь, наверное, своих должников держал, – предположил Влад и, немного подумав, добавил: – А может наоборот – кредитором...

– А, может, собаку Баскервиль, – продолжил фантазировать Саша.

– Хватит меня пугать, а то я спать в этом доме не смогу, – возмутилась Лена.

– Тогда приходи к нам, – гостеприимно предложил атлет.

– Непременно, – то ли в шутку, то ли всерьез ответила женщина.

Когда все вернулись в кухню, выяснилось, что никто не умеет пользоваться газовой колонкой.

– Обойдемся пока и холодной водой, – сказала Лена, и заброшенный дом ожил. Надсадно завыл найденный в кладовке старенький пылесос, втягивая слои слежавшейся пыли. Пронзительно завизжала болгарка, срезая намертво прикипевшие к ставням болты и рассыпая бенгальскими огнями огненные искры. По комнатам пополз голубоватый дым с едким запахом жженого металла. Покончив с полами и ставнями, решили заодно вымыть и окна. Окна на первом этаже были большие и невероятно грязные, поэтому, когда вся компания выбралась, наконец, на веранду, на улице уже вечерело. По небу ползли низкие серые тучи, застоявшийся воздух был душный и липкий, поселок словно окутало ватой – даже назойливые комары куда-то исчезли.

– Огромное вам спасибо, без вас я бы сегодня с такой уборкой не справилась, – искренно благодарила мужчин Лена. – Даже не знаю, что я вам теперь должна.

– Ты должна придти к нам на шашлык! – бодро прогудел Влад. – Ждем тебя через полчаса. Лена посмотрела на часы и, немного подумав, согласно кивнула головой.

– Хорошо, минут через сорок я буду.

Вернувшись домой, мужчины разожгли массивный стационарный мангал, принесли из сарая старую плетеную мебель Муромской и на всякий случай растянули полотняный тент с логотипом известной пивной компании.

– Какая женщина! – восхищенно качал головой Влад, нанизывая на шампур ароматные куски хорошо замаринованного мяса. – На вид – настоящая модель и безо всяких понтов! Купила такой домище и сама в нём полы моет!

– Ты бы видел эту модель лет двадцать пять назад, в её школьные годы, – усмехнулся Саша. – А полы у бывшей хозяйки этого дома семь поколений её предков мыли и это уже врождённое.

Он плеснул в стакан немного водки и предложил Владу:

– Будешь? Нет? А я выпью, что-то мне сегодня не по себе.

Появление Лены в такой неожиданной роли пошатнуло его обычное душевное равновесие. К тому же, находясь в её доме, Саша совсем как в детстве, даже еще острее – на каком-

то интуитивно-подсознательном уровне – почувствовал притаившуюся где-то рядом неясную, но неотвратимую, как судьба, опасность. Теперь ему хотелось снять напряжение, расслабиться, а точнее, просто напиться.

– Так сколько же ей лет? Неужели сорок? – удивился атлет.

– Чуть больше. Я думаю: она – твоя ровесница.

– Фантастика! Я бы больше тридцати ей не дал. И, похоже, у нее никого нет, раз она одна приехала.

– Да, брат, у тебя одни женщины на уме – они же тебя когда-нибудь и погубят, – вальяжно развалившись в плетеном кресле и аппетитно похрустывая малосольным огурчиком, нравоучительно произнёс слегка захмелевший Саша. – Мало за тобой рогатых мужей гонялось? Еще приключений захотелось? Не может такая женщина жить одна. А у тебя есть соломенная вдовушка, так ты её и окучивай. Кстати, ведь Стелла обидится, что мы её на шашлык не позвали. И я, как дурак, все утро на карачках в огороде проползал, землянику для нее собирал.

– Не обидится, – уверенно сказал Влад. – Я ей нужен, как лягушке зонтик. Она богатого лоха ищет, а я для нее просто самец – таких у неё навалом. Неси свою землянику на стол, а то пропадет.

Саша молча налил себе еще полстакана и ушел в дом. Влад ворочал над углями шампуры и вполголоса напевал:

Заходите к нам на огонек,

Пела скрипка ласково и так нежно...

Лена появилась, когда шашлык уже начал подгорать. Увидев ее, мужчины внутренне вздрогнули. Короткий салатный сарафан с открытыми плечами и каблук-шпильки подчеркивали точёные линии её спортивной фигуры, а блестящие из-под огненно-рыжей челки тёмно-ореховые глаза излучали спокойную уверенность женщины привыкшей к повышенному мужскому вниманию.

– Я немного опоздала, извините, – сказала она, доставая из бумажного пакета бутылку текилы.

– Текила? Это хорошо, – как-то скомкано пробормотал Саша. – Только давайте выпьем её не сейчас, а несколько позже.

Он хотел добавить что-то ещё, но как-то безнадежно махнул рукой и замолчал.

Влад недоуменно посмотрел на него и предложил:

– Есть красное чилийское, массандровский херес и водка.

Лена выбрала херес.

– Лет двадцать не пила крымских вин.

Атлет налил ей и себе вина, Саша плеснул в свой стакан на два пальца водки.

– С новосельем! – поднял бокал Влад.

– Скорее с возвращением, – поправила его Лена.

Она пила херес мелкими глотками, прикрывая глаза и чему-то улыбаясь.

– А ты кем работаешь? Случайно не моделью? – демонстративно безразлично и как-бы невзначай поинтересовался Саша.

Женщина весело рассмеялась, словно услышала хороший анекдот.

– Нет, я ростом не вышла, хотя были в своё время какие-то предложения. Я по образованию – биохимик.

Вид у мужчин стал такой, будто они увидели чудом уцелевшего мамонта.

– И что, прямо так биохимиком и работаешь? – недоверчиво спросил Влад.

– Прямо так и работаю, – подтвердила Лена явно довольная произведенным на мужчин впечатлением и, выдержав паузу, добавила: – Только не в России, а в Штатах. У меня там собственная лаборатория и деньги на этот дом я заработала своими руками и мозгами.

– Тогда все ясно, – усмехнулся атлет и ещё раз наполнил бокалы.– Предлагаю выпить за знакомство.

Саша плеснул себе водки на самое донышко и тихо пробурчал куда-то в сторону:

– А мы и так с детства знакомы.

Лена сделала несколько глотков и, глядя на мощные руки Влада с татуированной каравеллой, спросила:

– А вы чем зарабатываете?

– Он вольный художник и безработный рантье, – указал на Сашу Влад.– А у меня свой спортзал и небольшой бизнес в области бодибилдинга, так что, если захочешь позаниматься – приезжай в любое время.

– Обязательно приеду, – в Ленином голосе проявились нотки заинтересованности. – Спортивное питание и стимуляторы – это мой хлеб.

– Очень интересно, – обрадовался атлет, и разговор сразу же ушел в малопонятную для непосвящённого человека область протеинов, незаменимых аминокислот и стероидных анаболических.

Саша, игнорируя эту спортивно-медицинскую тематику, откровенно зевал, периодически подбадривая себя глотком водки. Тем временем где-то за лесом ухнул первый раскат грома, и душный воздух замер в тревожном предчувствии надвигающейся грозы. Безнадёжно заскучавший Саша неожиданно оживился и указал в сторону слабо подсвеченного декоративными фонариками Лениного дома.

– Смотрите!

По металлическому коньку крыши, весело перемигиваясь, ползли два ярких белых светлячка, а ещё несколько точно таких же неподвижно пульсировали на рогах телевизионной антенны.

– Что это? – шепотом, словно боясь спугнуть таинственно мерцающие огоньки, спросила Лена.

– Огни святого Эльма, – буднично, словно речь шла об обычном тумане или дожде, ответил Саша.

– Что, что? – с откровенной иронией переспросил Влад.

– Необъяснимое природное явление, – Саша укоризненно посмотрел на брата и продолжил:– Названо по имени собора в каком-то немецком городке, на кресте которого эти огни регулярно появлялись. На самом деле это явление вечное, и имеет много названий. Ещё древние мореходы видели огни на своих кораблях, Их появление на мачтах во время шторма – хорошая примета. Считается, что эти огоньки – души утонувших моряков, пришедшие спасать товарищей от гибели. Физики предполагают, что огни святого Эльма – всего лишь светящиеся заряды статического электричества, но мне кажется, никто точно не знает что это такое.

– Ничего не слышал во флоте про такое явление, – прогудел Влад.

– Значит, в Советском флоте его не было, – развел руками Саша.

Лена заворожено смотрела на крышу своего дома. Светлячки, мигавшие на антенне, стали медленно сползать вниз, а те, что уже были на коньке, серебристыми колобками неторопливо скатились в водосточный желоб. Через несколько минут, остальные огоньки последовали за ними.

– И часто у нас возникают такие явления? – настороженно спросила Лена.

– Лично я вижу в первый раз, но у меня есть знакомый, у которого такие огни появляются регулярно. Для людей они совершенно не опасны, а он их вообще метлой гоняет. Правда, это происходит не в нашем поселке, а... – тут Саша растерянно замолчал, увидев, как из водосточного желоба медленно выплывает светящийся матовый шар, размером чуть меньше футбольного мяча. Сначала он неподвижно завис в воздухе, будто размышляя, куда ему двинуться дальше, а потом стал плавно опускаться вниз и исчез за соседским забором.

– А это, похоже, шаровая молния. И как твой знакомый поступает с ней? – с откровенной иронией спросила Лена. – Тоже гоняет метлой?

– Не знаю. Про шаровые молнии он... – Саша снова не договорил потому, что шар, словно мяч, навешенный ногой невидимого футболиста, стремительно взвился над забором, перелетел через него и замер в метре от земли возле около малиновых кустов. Повисев немного на месте, он широкими зигзагами, подобно тросточке слепого, нашаривающего дорогу, медленно поплыл к людям.

– Главное не шевелиться, – прошептала Лена.

Но шевелиться никто и не думал: все сидели, словно окаменевшие, и слушали гулкие и отчетливые удары собственных сердец.

Метрах в трёх от слабо дымящегося мангала шар остановился, покачался из стороны в сторону, словно стараясь получше рассмотреть сидящих за столом людей и, как Чеширский кот, беззвучно растаял в воздухе, оставив после себя резкий запах озона.

– Однако... – пробормотал Саша и заметно дрожащей рукой налил себе в стакан водки почти по самый ободок. Влад молча протянул ему свой бокал.

– И мне тоже, – тихо выдавила из себя Лена, вытирая салфеткой вспотевший лоб.

Все молча и не чокаясь, словно на поминках, выпили, но не успели закусить, как ураганный порыв ветра вздыбил купол полотняного тента, вырвал его из земли и с силой швырнул об угол террасы, заставив испуганно задребезжать оконные стекла. Только теперь компания заметила настоящие, а не шаровые молнии, режущие небо над лесом, и почувствовала, как вздрагивает земля от гаубичных раскатов грома.

– Уходим в обсерваторию! – скомандовал Влад и, сложив на поднос остатки еды и посуду, торопливым шагом направился к дому. Ветер запустил ему в спину плетеное кресло, но промахнулся, и оно впечаталось в террасу рядом со сломанным тентом. Лена, опасливо оглядываясь на сверкающие над лесом молнии, побежала вслед за Владом. По земле застучали крупные как градины и холодные как ледышки первые надвигающегося ливня и сразу наполнили воздух едким запахом влажной прибитой пыли. Саша пожал плечами и, не обращая внимания на льющиеся с неба потки воды, стал неторопливо переносить плетёные кресла в ближайший сарай.

Когда он поднялся в обсерваторию – центральную и самую большую комнату мансарды – Влад уже сидел за сервированным журнальным столиком, а Лена рассматривала стоящий под прорубленным в северном скате крыши окном телескоп, направленный в грозное небо. По скошенному стеклу слоились черные потоки воды, подсвечиваемые электрическими вспышками молний.

– Жаль, что сегодня такая погода, – грустно сказала она, поглаживая гладкую серую трубу. – Ничего не увидишь.

– Приходи завтра, если будет хороший вечер, – предложил Саша и, тяжело плюхнувшись в старое кресло с протертыми до пожелтогого поролона подлокотниками, откинулся головой на мягкую спинку и закрыл глаза. Усталость и водка сделали свое дело: голоса Влада и Лены уплыли в какую-то нереальную даль, и призрачный мир снов ненавязчиво вытеснил окружающую действительность.

Глава 2. Воскресенье

Когда Саша проснулся, за облепленным мокрой хвоей окном голубело стерильно чистое утреннее небо. Каминные часы на монументальном комодe показывали девять часов утра. Он помотал из стороны в сторону тяжелой головой, критически осмотрел заставленный грязной посудой стол и, найдя под ним почти не тронутую бутылку чилийского вина, налил себе полный бокал. Не успел он выпить, как скрипнула дверь западной комнаты и оттуда на цыпочках, держа в руках сарафан и босоножки, вышла Лена.

– Доброе утро, – кивнула она взлохмаченной головой и почему-то шёпотом спросила:– А где у тебя душ?

– На улице, – так же шёпотом отозвался Саша.

– Типа летний? – уточнила Лена, натягивая сарафан и зябко передергивая плечами.

– Типа того.

– Покажешь?

– Иди к ручью, там увидишь.

– Полотенце принеси, пожалуйста.

– Хорошо...

Когда на лестнице замолк стук каблучков, и на первом этаже негромко стукнула входная дверь, Саша залпом выпил один за другим два бокала вина и осторожно, стараясь не скрипеть дверью, заглянул в западную комнату. Единственная кровать, стоявшая под окном, была пуста – Влада в комнате не было. Но это вовсе не говорило о том, что Лена провела эту ночь одна. Грустно вздохнув, Саша вернулся в обсерваторию, достал из комода чистое синее полотенце и, не спеша, спустился вниз.

Душ был небольшим сарайчиком, построенным практически над ручьём из разнокалиберных досок с маленьким окошком, смотрящим в огород и бочкой на крыше. Внутри он был обшит кусками старого линолеума и имел несколько небольших дырок в полу для слива воды в ручей. Отдав полотенце и открыв воду, Саша сел на лавочку, закурил и, слушая, как повизгивает и отфыркивается под струями холодной воды Лена, стал неспешно перебирать в памяти события вчерашнего дня.

– Бодрящая водичка, но у меня дома, наверное, и вовсе ледяная! – женщина вышла из душа свежая, покрасневшая, с обмотанным вокруг мокрых волос полотенцем на голове.– А, кстати, как-нибудь можно наладить мою газовую колонку?

– Можно вызвать слесаря.

– Вызови, пожалуйста, а то у меня сегодня дел на целый день, я и так уже опаздываю, – попросила Лена, озабоченно посмотрев на часы.– Ключи от дома я оставлю под крыльцом.

– Хорошо, – без всякого энтузиазма согласился Саша.

– До вечера, – сказала женщина и уже на ходу помахала ему рукой.

Мужчина помахал в ответ и, глядя на ловко бегущую на каблуках загорелую фигуру в коротком салатном сарафане, с синим полотенцем на голове, почему-то подумал, что лучше бы соседний дом ещё лет десять простоял пустым.

...

Лена вернулась в поселок, когда солнце уже закатывалось за разлапистые вершины столетних сосен. Напротив Сашиного дома сиял ослепительной чистотой серебристый «Лексус». Стоявшая возле машины полноватая блондинка с кукольным лицом что-то экспрессивно выговаривала покрасневшему двухметровому громиле в черном костюме с корзинкой земляники в руке. Увидев Лену, она радостно заулыбалась и приветливо помахала рукой, словно они были давние хорошие знакомые. На всякий случай, тоже улыбнувшись и кивнув головой в ответ, Лена проехала в свои ворота. Дома она переделалась из короткого сарафана в потертый джин-

совый костюм, прочитала на кухне рукописную инструкцию по пользованию газовой колонкой и, захватив синее полотенце, отправилась к Саше.

Женщина нашла его в обсерватории дремлющим всё в том же старом кресле возле журнального столика, заставленного пустыми пивными бутылками и заваленного рыбой чешуей и засохшими креветочными очистками. Она положила полотенце на комод и уже повернулась к лестнице, чтобы уйти, когда услышала за спиной хрипловатый усталый голос:

– Ты далеко?

Лена вздрогнула и обернулась. Глаза у Саши, несмотря на помятое лицо, были довольно бодрые.

– Извини, я думала, что ты спишь.

– Тут поспишь, – усмехнулся мужчина, посмотрев на замусоренный стол, и, укоризненно проговорил, обращаясь как бы к самому себе:– Посидели, конечно, хорошо, да вот убираться опять никто не захотел. Охранник у Стеллы, понимаешь, не уборщик, а сама она посуду уже давно мыть разучилась. Такая вот Милитриса Кирбитьевна из поселка имени Буденного. Придется опять убирать все самому.

Саша безнадежно махнул рукой.

– Я сейчас всё приберу, – смутилась Лена и, подойдя к столу, начала сгребать мусор в пустую картонную коробку, стоящую рядом.– Просто я утром, действительно, очень спешила. А кто эта дама на «Лексусе»? Она как-то удивительно обрадовалась, увидев меня.

– Это наша звезда – Стелла – вдова астролога Буянова. Ну, ооочень непосредственная дама, – насмешливо протянул Саша и зачем-то добавил:

– Кстати, она очень близкая подруга Влада и поэтому весьма активно интересовалась тобой.

Брови у Лены удивленно приподнялись.

– Боится, что я перейду дорогу?

– Вероятно...

– А где она могла меня видеть? Ведь я только вчера приехала и была только у тебя.

– И она вчера вечером подъезжала к моему дому. Хотела поговорить с Владом, но увидела тебя и не решилась подойти...

– И что ты этой Стелле про меня рассказал?

– Что ты известный американский врач-диетолог, специалист по ожирению.

– Довольно глупая шутка, – сухо отрезала Лена.

– Для Стеллы лишний вес – это идефикс, буквально вопрос жизни и смерти, а тут появляешься ты, вся из себя, и с такой фигурой. А когда она услышала что вы с Владом ровесники, то так меня достала, что я и ляпнул про диетолога. Извини, действительно глупая шутка, но если ты останешься здесь жить, то Стелла, по-любому, будет выпытывать у тебя секрет девичьей фигуры и неувядающей красоты, и ей все равно кем ты работаешь – диетологом, стоматологом или бухгалтером.

– А Влад что? Действительно, твой брат? – помолчав, спросила Лена.– Ты же, вроде, был единственный ребенок в семье? Или у меня что-то с памятью?

– С памятью у тебя всё в порядке. Она у тебя под стать внешности, – шутливо успокоил её Саша.– Влад мне не родной брат, а сводный, – сын моего отчима от первого брака. Теперь он мой самый близкий и единственный родственник.

– А мама? А Сергей Ни...

Лена резко осеклась на полуслове, когда поняла смысл Сашиних слов.

– Все умерли, – спокойно ответил мужчина, – и мама, и отчим, и дедушка с бабушкой. А как твои родители?

– Соболезную. А с моими, слава богу, нормально, – тихо произнесла женщина.

Ей вдруг стало неудобно оттого, что её родители живы и здоровы.

В обсерватории повисла какая-то неловкая тишина. К скошенному мансардному окну уже подступали вечерние сумерки, и на фиолетовом бархате неба засверкали первые звёзды. Саша неуклюже выбрался из старого продавленного кресла, подошел к телескопу, открыл объектив и, посмотрев в окуляр, немного повернул трубу.

– Иди, посмотри на Млечный Путь, пока небо чистое и облака не набежали.

Лена села на стоящий у телескопа компьютерный стул, зажмурила левый глаз и осторожно заглянула в окуляр. Черневшие за окном миллионы световых лет пустоты, мгновенно превратилась в веселую россыпь разноцветных звезд, подернутую серебристой дымкой. Звезды были разные: большие, маленькие и совсем крошечные; голубые, желтые, красные и белые; нервно-мерцающие и сияющие ровным незамутнённым светом... И, чем дольше Лена всматривалась в звёзды, тем больше их становилось. Только теперь она по настоящему ощутила пугающую бесконечность Вселенной, и эта бесконечность одновременно завораживала и отталкивала её.

– Как красиво, – восхищенно прошептала женщина и уже собралась ещё немного повернуть трубу телескопа, как раздался далекий хлопок, свист, и Вселенная с треском взорвалась, больно ударив по глазам ослепительной вспышкой. Лена ойкнула, отшатнулась от окуляра и очумело замотала головой. Перед глазами у неё плыли большие радужные круги, а за лесом над бывшим совхозным полем разрывался тысячами ослепительно ярких земных звёзд праздничный фейерверк.

– Нахватались зайчиков? – сочувственно спросил Саша и, взяв женщину за руку, как слепую, провел наискосок через всю комнату к своему старому креслу.

– Посиди пять минут с закрытыми глазами и все пройдет...

Лена послушно закрыла глаза, а он вернулся к окну и, закурив, бездумно уставился на распускающиеся в ночном небе огромные огненные цветы. Когда к женщине вернулось зрение, она тоже подошла к открытому окну и, встав рядом с Сашей, подставила лицо холодному ночному воздуху, тянущемуся из леса. Салют уже окончился, и теперь по чёрному небу стремительно скользила лишь одна яркая звёздочка, оставляющая за собой короткий красный росчерк.

– Какая странная звезда, – тихо сказала Лена.

– Это не звезда – это метеорит, – негромко, но уверенно произнес Саша.

– А, может, это метеор? – недоверчиво посмотрела на него женщина.

– Нет, – отрицательно помотал головой мужчина.

– У нас теперь не дачный кооператив, а какой-то заповедник редких природных явлений: огни святого Эльма, шаровая молния, а теперь еще и метеорит.

Тем временем загадочная звёздочка успела скрыться за лесом.

– Знаешь, я был бы рад ошибиться, но всё же это метеорит. Я даже знаю, где он упал, – упрямо добавил Саша.

– И где? – скептически спросила Лена, подумав, что выбрала для визита не самый удачный вечер.

– На краю совхозного поля, за вторым ручьем, напротив еловых посадок. Они всегда там падают.

Женщина, наконец, поняла, что ее как-то не очень остроумно разыгрывают, и разозлилась.

– И как часто метеориты падают на совхозное поле? Каждую неделю, каждый месяц или каждый год?

– Не веришь? – разочарованно вздохнул Саша. – Иди завтра со мной, я тебе всё покажу.

– Хорошо, я как раз собиралась выбрать себе маршрут для пробежек. В семь утра устраивает?

Мужчина неопределённо пожал плечами:

– Вряд ли я в это время проснусь.

– Значит в восемь, – твёрдо отчеканила Лена и, не дожидаясь ответа, пошла к выходу.

На пороге она обернулась и, внимательно посмотрев на растерянного Сашу, спросила:

– Ты как себя чувствуешь? С тобой всё в порядке?

– Не волнуйся, – грустно улыбнулся мужчина.

– Тогда, до завтра, – Лена привычно помахала в воздухе пальцами.

Когда дверь за ней закрылась, Саша подошел к комоду, покопался в россыпи компакт-дисков и, выбрав последний альбом Алана Парсонса, вставил его в проигрыватель. Пару минут из динамиков медленно текли какие-то невнятные шаманские заклинания, а потом старая мансарда вздрогнула от апокалипсического камнепада «Возвращения к Тунгуске». Мужчина снова сел в своё любимое протертое до дыр кресло, закурил и, достав из-под столика недопитую бутылку водки, сделал несколько больших глотков прямо из горлышка.

Глава 3. Понедельник

Саша проснулся от назойливых телефонных звонков. Нашарив возле кресла мобильник, он услышал в трубке бодрый голос Лены:

– Доброе утро! Ты готов? Я жду тебя во дворе...

Протирая рукой слипающиеся глаза, мужчина подошел к восточному окну. Напротив своей веранды Лена, одетая в светло-зеленый спортивный костюм, крутила обруч, одновременно прижимая к уху телефонную трубку.

– Алло! Ты меня слышишь?

– Я тебя даже вижу, – хмуро отозвался Саша.

Женщина подняла глаза к окну и, приветливо помахав рукой, крикнула:

– Ну что, побежали?!

Разбитого и ещё неокончательно протрезвевшего Сашу замутило только от одного вида такой активности. С трудом удерживаясь от непечатных выражений, он прокричал в ответ:

– Я тут немного проспал, так что ты беги одна! Встретимся через час возле ручья напротив еловых посадок!

– С тобой многоуважаемый сосед всё ясно, – ехидно усмехнулась Лена и, сбросив на землю металлический обруч, легко и размеренно побежала по едва заметной в траве дорожке к «вишневому острову».

Саша посмотрел вслед огненному хвосту волос, выбивающихся из-под белой банданы, сплюнул и, обматерив себя за вчерашний вечер, расхлябанной походкой поплёлся в уличный душ.

Выбравшись часа через три на опушку леса, за которой тянулись стройные ряды молодых елей, он увидел торчащую из высокой травы рогатую палку с развевающейся на ней белой банданой. Раздвигая, словно пловец, высокую, едва ли не по плечи, траву и без конца проваливаясь в невидимые ямы и рытвины, Саша направился к рогатине. Посреди умятого пяточка травы, постелив на землю свой спортивный костюм, лежала Лена и увлеченно болтала с кем-то по телефону на английском. Ее золотистое тело, перетянутое по талии тонкой ниточкой стрингов, глянцево блестело на солнце. Почувствовав упавшую на неё тень, Лена обернулась и, увидев стоящего над ней мужчину, поднялась с земли. Сашин взгляд проскользил по развернутым сильным плечам, высокой груди с розовыми стрелами сосков, плоскому упругому животу и уперся в узкую черную полоску, едва прикрытую прозрачной материей. Лена быстро закруглила разговор, послала невидимому собеседнику воздушный поцелуй и, захлопнув крышку телефона, посмотрела на Сашу так, словно видела его в первый раз.

– Не прошло и трёх часов, как ты всё же соизволил прийти..., – не то осуждая, не то удивляясь, усмехнулась она.

– Быстрее не получилось, – имитируя одышку и утирая со лба несуществующий пот, смущённо пробормотал мужчина. – Пойдем на поле...

Он словно буксир снова поплыл по невероятно высокой траве с солнечно-жёлтыми ромашками и небесно-синими васильками, оставляя за собой глубокий кильватерный след. Лена оделась, отряхнула налипший на костюм сор и послушно пошла по примятому Сашей разнотравью. Обогнув еловые посадки и переправившись по скользким округлым валунам через ручей, они вышли на старую проселочную дорогу, проходящую по краю заброшенного совхозного поля. С минуту мужчина стоял неподвижно, словно к чему-то прислушиваясь, потом повернул направо и медленно пошёл по обочине дороги, внимательно всматриваясь в природную пыль. Лена молча последовала за своим проводником. Пройдя с километр, тот развернулся и не спеша побрёл обратно по другой обочине. Наконец, почти возвратившись к переправе, Саша остановился, присел на корточки и, достав перочинный ножик, что-то выковырнул

из земли. Женщина подошла и присела рядом с ним. В пыли лежал черный камень величинной с человеческий кулак. Он был похож на кусок оплавленного антрацита с тонкими серебристыми прожилками.

– А можно его поближе посмотреть? – тоном прилежной и любознательной ученицы спросила Лена.

Саша молча кивнул головой. Женщина подняла метеорит и тут же стала перебрасывать его с ладони на ладонь, словно вынутую из костра печеную картофелину.

– Какой горячий камень! – воскликнула Лена, не удержав метеорит в руках и выронив его на дорогу.

– Это действительно горячий камень, – многозначительно подтвердил Саша. – «Кто закатит меня на эту гору и там разобьет, тот начнёт жизнь заново»... Знать бы ещё, где находится эта гора.

Уловив недоуменный взгляд своей спутницы, он пояснил:

– Сказка такая есть у Аркадия Гайдара – называется «Горячий камень». В начальной школе проходили, не помнишь?

– Нет, не помню, – честно призналась Лена. – А про что она?

– Про одного старого дурака, который от новой жизни отказался. Глупая сказка...

Саша достал из кармана старенькую полотняную сумку, закатил в неё ножиком метеорит и быстро зашагал по тропинке к ручью.

– А почему этот метеорит до сих пор не остыл? – спросила Лена, когда они вошли в лес.

– Придет время – остынет, – ломким, как утренний осенний лёд, голосом ответил Саша. –

Они всегда такие.

– А у тебя их много?

– Этот – шестой.

– Я где-то читала, что во всём мире год находят не больше сотни метеоритов.

– Их не находят потому, что не ищут и не смотрят в небо.

– Как это не смотрят? – удивилась Лена. – В мире сотни обсерваторий, тысячи астрономов, спутники наблюдения, космические станции. Куда же они все, по-твоему, смотрят?

– Я тоже когда-то думал, что ближайший космос у нас как на ладони, – усмехнулся Саша. – С пятого класса, начитавшись фантастики, я буквально заболел космическими пришельцами и повсюду видел их следы. Изучив море всякого науч-попа и посмотрев фильм «Воспоминания о будущем», я был стопудово уверен в том, что Стоунхендж и пирамиды построены инопланетянами, нимбы богов являются шлемами их скафандров, линии Наска взлётной полосой для космических кораблей, а Тунгусский метеорит – это взорвавшийся звездолёт. Я прочитал в библиотеке все подшивки журналов «Вокруг света» и «Наука и жизнь». В них иногда публиковались статьи о летающих тарелках и других странных объектах с фотографиями и свидетельствами очевидцев. Но особенно меня интересовали комментарии ученых сводивших все эти факты к простым оптическим и звуковым эффектам. Упорство, с которым они отрицали неоспоримые для меня факты, наталкивало на мысль о каком-то всепланетном научном заговоре. Астрономы, физики и космонавты в один голос утверждали, что никогда не видели в космосе ничего необычного. Этому я тогда поверить не мог. Я решил, что им просто запрещено рассказывать о пришельцах и НЛО, что они связаны какой-то клятвой о неразглашении увиденного. Мне требовалось самому заглянуть в космос. И однажды я наткнулся в «Юном технике» на статью о самодельном телескопе. Все оказалось очень просто: требовались только две линзы от очков и увеличительное стекло. Сделав свой первый телескоп, я летом вместе со своим другом просиживал в мансарде ночи напролет, разглядывая звезды. Мы быстро поняли, что никакой телескоп не поможет нам обнаружить звездолеты инопланетян, но зато у меня на всю жизнь остался подлинный интерес к астрономии, а мой друг стал известным астрологом. А однажды в августе, в тот день мне исполнилось тринадцать лет, я увидел

свой первый метеорит. Сначала я тоже подумал: «Какая странная падающая звезда», – и только когда она исчезла за лесом, я понял что это и есть настоящий космический пришелец. Мне почему-то сразу стало ясно, где он упал, и я три дня проходил по краю этого поля, прежде чем нашел бурый камень похожий на рубило первобытного человека.

– А может, это и было рубило? – скептически спросила Лена.

– Нет, это был метеорит. Даже через три дня после падения он был такой горячий, что мне пришлось нести его домой в рубашке.

– Этого не может быть, – возразила женщина. – Никакой камень – даже метеорит – не может хранить столько тепла.

– Но, тем не менее, это – факт, – Саша помахал в воздухе потёртой холщевой сумочкой с загадочной находкой. – Не веришь? Ещё раз потрогай!

– Это какая-то аномалия.

– Когда аномалия повторяется шесть раз подряд, она превращается в закономерность. Вот этот метеорит – шестой. Он нам все и докажет, – Саша заглянул в сумку, словно желая убедиться, что его находка никуда не исчезла.

– Бред какой-то, – недоуменно пробормотала Лена. – Заговор астрономов, сказка Гайдара и горячие метеориты. Ты до сих пор в плену каких-то подростковых фантазий.

– Знаешь, от теории заговора я отказался еще в ту ночь, когда увидел первую падающую звезду, – спокойно возразил Саша. – Я подумал, что пришельцы могут приходиться и уходить абсолютно невидимыми. У них свой мир, свои законы и даже обычный метеорит может на самом деле оказаться космическим кораблем. А все эти гуманоиды в летающих тарелках, на самом деле, не избыток человеческой фантазии, а, наоборот, ее недостаток.

Лена сочувственно покивала головой. Саше показалось, что сейчас она покрутит пальцем у виска, как делала его бабушка, когда дед начинал нести какую-нибудь ересь.

– Я совсем не собираюсь доказывать, что метеориты являются звездолётами инопланетян, – продолжил он неожиданно оправдывающимся тоном. – Тут дело в другом. Эти метеориты – messages...

Тут у Лены зазвонил телефон и она, чуть отвернувшись в сторону, раскрыла трубку. Ей было явно неудобно, что Саша её слышит и, замедлив шаг, она заговорила отрывисто и односложно.

– Слушаю... Да... Да... Очень хорошо... Через три часа устаивает?... Адрес у меня есть... Хорошо, обсудим это при встрече.

Оставшийся путь до выходящей в лес калитки Лениной дачи они прошли молча. Сразу за калиткой в центре небольшой лужайки, густо заросшей одуванчиками, стояла покосившаяся деревянная беседка с поросшей мхом крышей.

– Надо же, беседка всё ещё стоит, – удивленно присвистнул Саша. – Совсем как тридцать лет назад.

– Да, – подтвердила Лена. – У меня такое ощущение, что Линдэ никогда не переходил через ручей. На той стороне он сломал и перестроил всё, а здесь абсолютно ничего не тронул.

Саша посмотрел на покосившийся забор, увитый плющом и совершенно непроходимый дикий вишеник.

– Странно. А ты видела Линдэ?

– Нет, – жёстко ответила Лена. – И у меня нет ни малейшего желания его видеть. Я общалась исключительно с его женой.

Слегка нагнув головы и прикрывая руками лица от вольготно разросшихся во все стороны острых вишнёвых веток, они узкой тропинкой вышли к ручью и остановились на стильном горбатом мостике.

– Ты сегодня в город поедешь? – спросил Саша.

– Поеду.

– Меня подбросишь?

– Без проблем. Приходи через час, – Лена облокотилась на перила и, наклонив голову, стала рассматривать медленно шевелящиеся на дне ручья мохнатые связки водорослей и ловко скользящих над ними пауков-водомеров.

***

Несмотря на дневное время, движение на узком старом шоссе было плотное. Компактный белый внедорожник с трудом втиснулся в бесконечную вереницу машин и медленно пополз к городу.

– Не могу привыкнуть к такому жёсткому трафику, – разочарованно произнесла Лена. – Раньше – двадцать минут и ты в Москве, а теперь можно и за час не добраться.

– Опаздываешь?

– Нет, я теперь всегда выезжаю с запасом.

– А ты надолго приехала? – с напускным безразличием спросил Саша.

– Через десять дней улетаю.

– А зачем тогда дачу купила? – удивился мужчина. – Для родителей?

– Нет. Они об этом ещё ничего не знают. Просто я обещала Ольге Константиновне когда-нибудь забрать её дачу у Линдэ, вот и забрала, – ответила Лена так, словно речь шла о когда-то потерянной и вновь найденной безделушке, не имеющей никакой реальной цены, но невероятно дорогой как память. – Она ведь и умерла из-за этой дачи. Тогда очень некрасивая история получилась. Через две недели после продажи Линдэ пришел на московскую квартиру Муромской и заявил, что его обманули. Что дом насквозь гнилой и ему придется всё перестраивать. Он потребовал вернуть ему двадцать тысяч, но вовсе не деньги сыграли в смерти Муромской свою роковую роль. Самое страшное было то, что Линдэ ругался при Ольге Константиновне матом и был одет в похожий на тельняшку белый джемпер с тёмными полосками. Первый муж Муромской был морской офицер, и в феврале семнадцатого года его на глазах жены буквально растоптали взбунтовавшиеся матросы. С тех пор её буквально начинало трясти, если она слышала мат или видела матроса в тельняшке и бескозырке. Ольга Константиновна швырнула Линдэ под ноги две пачки сотенных и велела убираться, а на следующее утро у неё начался какой-то навязчивый бред. Она решила, что Линдэ – один из тех матросов, которые убили её мужа, даже фамилию его называла. Целыми днями Муромская ходила по квартире, хватала мою маму за руки и повторяла: «Заберите у него дачу, я узнала его – это Ветров. Он убил моего мужа, а теперь пришел за мной. Заберите у него дачу, я не хочу, чтобы он там жил». А когда заходила я, она отводила меня в свою спальню, усаживала на кровать и, глядя в глаза, вполне осознанно просила: «Леночка, ты такая умница, у тебя прекрасное будущее, обещай мне забрать у Ветрова дачу. Ты сможешь это сделать, я знаю. Обещаешь?» Мне становилось страшно, я согласно кивала головой и убегала. А в конце лета Ольгу Константиновну забрали в больницу с инсультом, и оттуда она уже не вернулась. И вот, двадцать пять лет спустя, я, наконец, выполнила обещание, и её дом будет теперь и моим домом.

– Значит, права была моя бабушка, – удрученно произнес Саша. – Она сразу сказала, что Линдэ обманет Ольгу Константиновну. Только он не просто обманул Муромскую, он её еще и убил.

– Верно. Но мне кажется, счастья ему это не принесло, – отозвалась Лена.

Оставшийся путь до Москвы они проехали молча – каждый задумался о своем. Когда до ближайшей станции метро осталось не больше квартала, Саша попросил остановиться.

– Спасибо, я уже приехал, – быстро попрощался он и, выйдя из машины, направился прямо через широкий газон к небольшому павильону с вывеской «Сувениры».

Лена проводила его долгим взглядом, посмотрела на часы и, резко тронувшись с места, стала перестраиваться в левый ряд. Саша, войдя в магазинчик, не глядя на витрины, сразу же обратился к скучающей продавщице:

– Скажите, пожалуйста, у вас есть чёрные шкатулки?

Глава 4. Вторник

Мелкий нудный дождь зарядил ещё с ночи. Саша пил в мансарде чай и лениво перелистывал запылённую подшивку журналов «Вокруг света», когда внизу хлопнула входная дверь, и раздался бодрый голос Лены.

– Ау, хозяин, ты где?

Саша промолчал. По мягко поскрипывающим ступеням старой лестницы Лена поднялась в обсерваторию.

– Привет, почему молчим? – спросила она, снимая на пороге мокрый дождевик и заляпанные грязью кроссовки.

– Привет, привет, – угрюмо ответил Саша, отложив, наконец, старые журналы в сторону. – Утренняя пробежка?

– Ага...

– И охота тебе бегать в такую погоду?

– Неохота, – честно призналась Лена, – Но надо всегда держать себя в тоусе.

– Понятно, – сочувственно кивнул головой мужчина. – Что-то ты сегодня припозднилась с пробежкой. Уже почти полдень.

– Дела. Поздно вернулась – поздно проснулась, – уклончиво ответила гостя и, подойдя к комоду, стала разглядывать позолоченные каминные часы в виде старинного замка. – Красивая вещь.

– Трофейные, от деда остались. Швейцария, девятнадцатый век.

В это время минутная стрелка накрыла собой часовую, и дом наполнился четко отрепетированным перезвоном разнообразных хронометров.

– Ticking away the moments that make up dull day, – вкрадчивым речитативом напела Лена. – «Пинк Флойд», вступление в композицию «Время». Альбом «Тёмная сторона Луны», семьдесят третий год. Верно?

– Абсолютно, – польщённо улыбнулся Саша. – Похоже получилось?

– Не хватает метронома и барабанов, – словно профессиональный музыкант резюмировала Лена и отстукала ладонями недостающий ритм прямо на пыльной столешнице массивного дубового комода.

А потом, немного помолчав, добавила:

– У меня есть к тебе коммерческое предложение.

– Выкладывай, – кисло произнес Саша, не ожидая от предложения своей деловитой соседки ничего хорошего.

– У тебя осталась мебель Ольги Константиновны?

– Кое-что осталось, – неопределённо ответил мужчина.

– Продай её мне.

– Да я её тебе даром отдам, – облегчённо вздохнул Саша. – Но только сам ничего переносить не буду.

Он невольно вздрогнул, вспомнив неподъемные шифоньеры Муромской.

– Слишком дорогой подарок, – Лена оценивающе посмотрела на собеседника. – Тебе не нужны деньги?

– Нет, – твердо ответил Саша, – Я ведь за эту мебель тоже ни копейки не заплатил.

– А на что, если не секрет, в наше время существуют безработные астрономы-любители? – иронично поинтересовалась Лена.

– Знаешь, если покупка старой рухляди – это скрытая форма благотворительности, то я в ней не нуждаюсь, – уязвлено ответил мужчина. – У меня в Москве есть две квартиры – моя

и дедова. Я их сдаю, и денег мне вполне хватает. Можешь считать меня таким современным рантье.

– Сильно сказано – современный рантье, – снисходительно улыбнулась Лена, стирая пыль с комода рукавом спортивной куртки.– Так что же из мебели я могу забрать?

– Всё, кроме того, что находится в этом доме.

Лицо у женщины недоуменно вытянулось.

– Да ты не волнуйся, у меня этого добра, грубо говоря, целых три «шанхайчика», – успокоил её Саша, доставая из комода увесистую связку старых ключей.– Пойдем, покажу.

Дождь к этому времени превратился в противную невесомую морось, зависшую между промокшей землей и похожим на натяжной потолок стылмым глянцево-серым небом.

– А зачем тебе мебель, если ты здесь жить не собираешься? – спросил Саша, подбирая ключ к ржавому амбарному замку, висящему на массивной, сколоченной из крупных половых досок двери сарая.

– Почему же не собираюсь? – удивилась Лена.– Я думаю к Новому году переехать в этот дом насовсем.

– Ты ничего не говорила об этом.

– Говорила, только ты не расслышал.

Саша недоуменно пожал плечами.

– Не боишься возвращаться?

– А что в этом страшного?

– У нас, ведь, в России всё по-прежнему: гнут – не парят, а ломают – не жалеют.

– Америка, знаешь, тоже не рафинад, – уклончиво ответила Лена.– Зато здесь у меня, наконец, будет собственный дом, семья, дети.

При этих словах Сашино лицо удивленно вытянулось.

– У тебя, что же, в Штатах ничего нет?

– Только маленькая лаборатория. Всё остальное принадлежит мужу, а с ним я развожусь и поэтому уже полгода живу в гостинице, – печально усмехнулась женщина.– Детей у нас нет.

– И теперь ты хочешь найти русского мужа?

– Да. А что в этом необычного?

– Ничего, – пожал плечами Саша, – на мой взгляд, довольно оригинальная идея. У нас все женщины мечтают выйти замуж за иностранца, а ты наоборот.

– А я не такая как все, – твёрдо отчеканила Лена и сбросив с головы капюшон, вызывающе встряхнула огненно-рыжими волосами.

– Смотри не ошибись. Считается, что в России нормальных мужиков уже не осталось.

– А я не хочу мужика. Я хочу мужчину.

– С мужчинами дела обстоят ещё сложнее.

– Ничего, меня трудности не пугают.

– Удачи тебе... – скептически усмехнулся Саша.

Старый замок, пронзительно взвизгнув, наконец, поддался, и тяжелая перекошенная дверь медленно распахнулась. На земляном полу дровяного сарая, густо устланном подгнившими щепками, в два яруса стояла мебель Муромской.

– Дааа, условия хранения у тебя далеко не музейные, – опечаленно протянула Лена, разглядывая резных грифонов с отбитыми клювами, украшающих ореховый секретер.– Придется всё отдавать в реставрацию.

Она хотела пробраться вглубь сарая, но тут в дальнем тёмном углу раздалось суетливое шуршание, и женщина, испуганно отпрыгнув назад, вцепилась в Сашину руку.

– Там крысы!

– Это не крысы, это нутрии, – не очень удачно попробовал успокоить ее мужчина.– У них нора прямо на ручье, под летним душем, вот они и шастают по всем «шанхайчикам».

– Все равно крысы! – упрямо повторила Лена и, накинув капюшон, вышла из тёмного сарая в серую туманную морось.

– Дальше будем смотреть? – спросил Саша, направляясь к соседней двери.

– Я думаю, не стоит. Тут без экспертов-реставраторов нечего делать, к тому же ничего толком не видно, – торопливо отговорила Лена, стесняясь своего страха перед крысами.

– Хорошо, подождем экспертов, – безразлично согласился Саша, убирая связку ключей в карман.

– Я тебе точно ничего не должна? – спросила Лена, словно учительница, предлагающая ученику еще раз обдумать ответ.

– Точно, – уверенно ответил мужчина. – А ты завтра сильно занята?

– Никаких неотложных дел нет, а что?

– Я иду на день рождения к одному очень интересному человеку. Составишь мне компанию?

– А это удобно?

– Вполне. Этот человек любит общаться с незнакомыми людьми, и в Штатах такие собеседники тебе точно не встречались.

– Кто мне только в Штатах не встречался, – скептически усмехнулась Лена. – Когда и куда едем?

– В Поповку, это деревня за полем у плотины. Поедем, я думаю часам к четырем, а в качестве подарка вполне подойдет бутылка какого-нибудь хорошего заморского дистиллята. Типа виски, ром, коньяк.

Услышав про деревню и хороший дистиллят, Лена недовольно нахмурилась.

– А кто он, этот загадочный именинник? Сельский алкоголик?

– Не пугайся, это вполне приличный человек: писатель, поэт и драматург в одном лице – зовут его Виктор Алексеевич Мартов. У нас в России практически не известен, но в Европе его пьесы имеют некоторый успех.

– Ты меня заинтриговал.

Саша выдержал паузу и, улыбнувшись, добавил:

– Это именно он разгоняет метлой огни святого Эльма.

– Значит, точно алкоголик, – иронично подтвердила своё предположение Лена, чувствуя, что добровольно ввязывается в какую-то странную историю и почему-то не может отступить. – В таком случае я сейчас поеду договариваться с реставраторами, потом навещу родителей, а завтра к обеду вернусь.

– Хорошо, буду ждать. Если передумаешь, позвони.

– Не передумаю, – ответила женщина, весело блеснув глазами из-под слипшейся челки.

– Тогда до завтра!

– До завтра! – попрощалась Лена и плавно растаяла в выпавшем после дождя плотном тумане.

Глава 5. Среда

Маленький белый джип, петляя между залитыми водой колдобинами, медленно тащился по раскисшему от дождей просёлку. Лена напряжённо следила за скользкой дорогой, а Саша, вальяжно развалившись на переднем сиденье, курил и, выпуская дым в открытое окно, неторопливо рассказывал:

– Мартов – детдомовец, один из потерявшихся в войну детей. Его нашли в Ташкенте на вокзале в марте сорок второго, в кармане у него была бумажка с именем и датой рождения, а в руках обувная коробка с черепахой. Город тогда был переполнен эвакуированными, но в течение трёх дней никто с заявлением о пропаже ребенка не пришел, и его определили в детдом. Рассказать о себе мальчик ничего толком не мог – ему было чуть больше двух лет – поэтому фамилию найдёнышу дали по месяцу, в который его нашли, а отчество по имени директора детского дома. У Виктора с детства были литературные наклонности: он писал стихи и заметки в школьную стенгазету, сочинял миниатюры для праздничных концертов. Все думали, что Мартов будет журналистом или литератором, а он поступил в Московский Инженерно—Строительный институт, решив, что эта прораба для страны гораздо важнее чем поэты. Мартов окончил института с красным дипломом, остался в столице, женился и спокойно работал проектировщиком в каком-то строительном НИИ.

В тридцать лет молодой инженер неожиданно и всерьез увлекся футуристами и театром абсурда. Он разыскивал по «Букинистам» книги Бурлюка, Крученых и Хлебникова, читал в «самиздате» Ионеску и Беккета и, в итоге, сам стал писать «дыр-бул-щировские» стихи и на первый взгляд совершенно бессодержательные пьесы, утверждая, что не случись революции, Маяковский был бы самым гениальным футуристом планеты, а Россия локомотивом современного искусства. Когда Мартов, чтобы иметь больше времени для творчества, перешел из инженеров в сантехники с графиком сутки через трое, жена заявила ему, что он такой же сумасшедший, как его пьесы и подала на развод. Виктор, не раздумывая, променял жену на литературную музу и пошел работать дворником за комнату в коммуналке. О постановке или публикации его абсурдных творений в то время не могло быть и речи, и он упорно работал «в стол», дожидаясь хоть каких-то либеральных перемен. В конце восьмидесятых такие перемены наступили, но в театральной Москве все по-прежнему шарахались от Мартова как черт от ладана, уверяя, что публика не пойдёт на абсурдные пьесы никому не известного драматурга. Тогда он отправился путешествовать по стране, надеясь соблазнить своим авангардным столичным творчеством какой-нибудь провинциальный театр. Но дураков ставить заведомо провальные пьесы нигде не нашлось, зато где-то в Сибири, Мартов познакомился с датским режиссером, изучавшим в глубинке русское самобытное искусство. Авангардные творения никому не известного драматурга показались датчанину перспективными, и он рискнул поставить одно из них в Копенгагене в экспериментальном студенческом театре. У продвинутого европейского зрителя маловразумительная абсурдная драма имела определённый успех и даже получила какую-то второстепенную театральную премию. Со временем пьесы Мартова разползлись по различным студенческим театрам и экспериментальным студиям Европы, а их автору потекли пусть небольшие, но зато регулярные валютные гонорары.

– Интересная история, – улыбнулась Лена. – Только почему же этот замечательный драматург поселился в Поповке, а не уехал куда-нибудь в Копенгаген? Из патриотизма? Ему так нравится русская сельская жизнь?

– Приедем – поймёшь, – улыбнулся в ответ Саша и витиевато добавил. – У Мартова есть одно исконно русское кулинарное увлечение, которым сподручнее всего заниматься в сельской местности.

– Ты меня снова интригуешь...

Машина миновала плотину над густо поросшим камышом, заболоченным прудом и завиляла, объезжая ямы и рытвины, по центральной и единственной улице села. Возле обнесенного жидким штакетником деревенского дома в три окошка с резными наличниками и флюгером в виде парусника на крашеной железным суриком крыше Саша попросил остановиться и дважды просигналить. На крыльце тут же появился похожий на Клинта Иствуда высокий худощавый мужчина с грубоватым загорелым лицом, одетый в клетчатую байковую рубашку и потёртые джинсы. Широко улыбаясь и разведя в стороны руки, он двинулся навстречу гостям.

– А я вас уже заждался, думал не приедете, – пробасил Мартов, пожимая Сашину руку. – Хотел тебе позвонить, да связь как назло исчезла.

– Знакомся, – представил Саша свою спутницу, – это Елена – моя новая соседка по даче и давняя хорошая знакомая.

– Очень приятно, – драматург с неожиданным изяществом наклонился и поднес к губам протянутую ему руку. – Меня зовут Виктор. Прошу пройти к столу.

Стол был накрыт в традиционной русской манере: малосольные и свежие огурцы, помидоры, квашеная капуста, грибы, холодец, красная и черная икра, заливная осетрина, винегрет и еще какие-то салаты, состав которых определить на глаз было невозможно. По краям стола стояли кувшины с белым домашним квасом, а в центре возвышался большой графин с прозрачной чуть зеленоватой жидкостью. Вокруг стола стояла дюжина стульев и табуретов, но в комнате кроме Лены, Саши и Мартова была только черепаха, яростно терзавшая капустный лист в просторной самодельной клетке.

– Поздравляю, – лаконично произнес Саша и протянул писателю ту самую бутылку текилы, которую Лена принесла три дня назад на шашлык.

Женщина достала из пакета увесистую золотистую коробку с шотландским виски, но не успела ничего сказать, как Мартов со словами: ” Огромное спасибо», – поцеловал её в щеку и под руку повел к столу.

– Прошу продегустировать плоды многолетних трудов, – произнес писатель, ловко разливая по хрустальным стопкам зеленоватую жидкость из двухлитрового стеклянного графина.

– Как я понимаю, это и есть кулинарное пристрастие твоего друга? – чуть слышно спросила Лена своего спутника.

– Ага, – согласно кивнул головой Саша.

– Я вообще-то за рулем..., – неуверенно произнесла гостья, обращаясь к хозяину дома и осторожно пригнувшись к содержимому своего стаканчика.

– Вы боитесь разучиться водить машину после пары рюмок моего волшебного напитка? – иронично усмехнулся Мартов. – Или опасаетесь, что местные гаишники одичали так, что могут отобрать права у такой прекрасной женщины как вы?

– Ничего я не опасуюсь. С днём рождения! – спокойно ответила женщина, чокнулась с драматургом и, зажмурив глаза, мелкими глотками опорожнила рюмку до дна.

Переведя дыхание, она открыла глаза и удивленно посмотрела на именинника, заботливо протягивавшего ей гранёный стакан с белым квасом и бутерброд с черной икрой.

– Надо же, совсем не похоже на самогон.

– Конечно, – польщено заулыбался сочинитель. – Это же божественный напиток, музыка сфер. Во всем мире люди варят самогон и гордятся этим. Виски, текила, – он указал на подаренные ему бутылки, – ром, граппа, джин и другие дистилляты – всё это великолепные плоды народного творчества. Но, как говорится, все гонят, да не у всех получается. У нас, в России, из-за вековой государственной монополии на алкоголь, частное самогонование всегда было вне закона. Поэтому гнали кое-как, впопыхах, торопясь, пока не отобрали брагу и аппарат. Дрожжей не жалели, аппараты собирали на кухне из кастрюль с резиновыми трубками, и в результате получалась исключительная дрянь. От одного запаха этой сивухи с души воротило. Но если подойти к процессу самогонования творчески, то можно получить продукт

совершенно иного уровня. Вот это, – Мартов указал на графин рекламным жестом продавца из телемаркета, – самогон из свекольной патоки, которая настаивается не менее полугода. Иногда я его так и называю – свекольник. Двойная дистилляция и трехлетняя выдержка в дубовом бочонке в холодном погребе гарантируют отменный вкус и крепость. Сейчас мы пьем напиток, слегка разбавленный огуречным рассолом. Крепость, между прочим, почти пятьдесят градусов, а разве чувствуется?

Лена, слушавшая Мартова так же внимательно, как американские туристы слушали Остапа Бендера, рассказывавшего им рецепт табуретовки, ответила: «Нет», – и машинально взяла стакан с белым квасом. Сделав несколько глотков, она поперхнулась и отчаянно замотала головой, на глазах у неё выступили слезы.

– Что это?

– Тысячу раз извиняюсь, – писатель приложил руку к сердцу и театрально поклонился, – не учел, что вы городская женщина, к тому же почти американка. Это домашний квас из зелёных яблок с хреном по рецепту светлейшего князя Григория Потёмкина. Он потчевал им иностранных послов, между собой называвших этот квас лимонадом для свиней, но пившим его в угоду всемогущему фавориту.

– И, за неимением иностранных послов, вы решили угостить меня своим свиным лимонадом, – укоризненно нахмурилась Лена.

– Помилуйте, и в мыслях этого не было! – воскликнул Мартов. – Здесь все село пьет такой квас, и никто не морщится.

– Знаете, – сказала женщина, пристально всматриваясь в загорело-грубоватое лицо драматурга, – вы как-то не очень похожи на человека, пьесы которого ставят в Европе. Чем же вы так заморозили тамошних зрителей?

– Если мои пьесы идут в Европе, то это вовсе не значит, что я европеец. Это значит только то, что в России не понимают моего языка. Искусство – это поиск новых форм отражающих свое время, а у нас весь поиск, как правило, сводится к дешевому маскараду, к превращению классических персонажей в балаганных шутов. Гамлет сдал свой камзол в театральный музей. Теперь он появляется на сцене исключительно в трико, в тельняшке, в пижаме и даже в чем мать родила. Наши театральные мэтры бесстрашно калечат классику, но панически боятся ставить новые современные пьесы. Впрочем, и в Европе меня ставят только молодежь, которая мне едва ли не во внуки годится. И я этому даже рад: значит, новое поколение меня понимает и принимает, и я соответствую духу времени. Сегодня вечером в Стокгольме будет премьера моей новой пьесы «Три часа темноты». Это очень сложная пьеса в форме одностороннего диалога.

– Односторонний диалог? – удивлённо переспросила Лена, – Интересный оксюморон...

– Я думаю, за премьеру следует выпить! – подал, наконец, голос Саша, всё это время увлечённо закусывавший.

– Действительно, а то я вас совсем баснями закормил, – Мартов снова аккуратно наполнил стаканчики зеленоватой жидкостью из большого графина. – Или вы предпочитаете более привычные напитки?

Лена совершила рукой какие-то неопределённо-загадочные пассы и, подняв свою стопку, произнесла небольшой тост:

– Виктор, ещё раз поздравляю вас с днем рождения и желаю, чтобы ваши удивительные пьесы шли не только в Европе, но и в Америке, Азии, Австралии и Африке, а самое главное, чтобы их, наконец, поставили в России.

– Спасибо, – растроганный писатель попытался бесцеремонно поцеловать женщину в губы, но та проворно увернулась и Мартову досталась лишь упругая покрасневшая щека.

Пропустив по второй стопочке самогона, хозяин и его гости несколько минут молча и сосредоточенно закусывали.

– Так что там за односторонний диалог? – вскользь поинтересовалась Лена, добавляя себе в тарелку жареные подберёзовики.

– Ах да! – оживился драматург, возвращаясь к театральной теме. – Это пьеса для одного актера, а вернее актрисы. Суть её в двух словах такова: женщина после двадцати лет брака внезапно влюбляется и хочет уйти от мужа. Муж по-прежнему любит её и согласен терпеть соперника, лишь бы она оставалась с ним; женщина настаивает на разводе, и тут её муж внезапно погибает в автокатастрофе. Вдову начинают терзать сомнения, ей кажется, что эта авария на самом деле была закамуфлированным самоубийством. Она хочет в последний раз поговорить с покойным мужем и расставить все точки над *i* – для этого женщина просит закопать её в гробу на три часа рядом с могилой мужа. Сама пьеса является разговором героини с невидимым собеседником, только вместо слов мужа следуют паузы, таким образом, получается односторонний диалог. И каждый зритель волен сам домысливать вторую половину диалога.

– И это зрелище длится три часа? – уточнила Лена.

– Совершенно верно, – подтвердил Мартов.

– Сильна видать у шведов любовь к современному искусству, – иронично рассмеялась женщина.

– Ну, вот и вы ничего в театре не понимаете..., – разочарованно проворчал Мартов и в третий раз наполнил хрустальные стаканчики.

– Вы извините, я просто не очень удачно пошутила, – примирительно отозвалась женщина, и в подтверждение своих слов опрометчиво добавила. – На самом деле, я бы с удовольствием посмотрела какую-нибудь вашу пьесу.

– Правда? – наивно обрадовался Мартов и, экспрессивно чокнувшись с новообретённой поклонницей, предложил. – Мне режиссеры иногда присылают рабочие записи моих пьес, хотите посмотреть?

Лена мысленно обругала и себя и благодетелей-режиссеров, но, не желая обидеть именинника отказом, вежливо согласилась.

– К сожалению, у меня сейчас нет записей ни на русском, ни на английском языке. Вы знаете немецкий, французский или датский?

– Нет, – живо откликнулась женщина, надеясь на отмену внепланового просмотра. – Давайте в другой раз.

Но увлечённый драматург уже не слушал ее:

– Это не страшно. Я подберу что-нибудь из раннего, там, где все понятно без слов. Например «Цвет женщины», очень неплохая пьеса.

Саша, все это время давивший в себе смех, не выдержал и прыснул. Мартов неодобрительно посмотрел на него, и гость, зажав рот ладонью, смущённо отвернулся.

– Смысл этой пьесы в том, что каждому возрасту женщины соответствует свой цвет, как в радуге: красный, оранжевый, желтый, зеленый... А в конце жизни все цвета спектра складываются, превращаются в белый, и за этим наступает вечность.

– Да вы прямо настоящий символист.

– Благодарю за комплимент, – театрально поклонился Мартов.

Лена поднялась из-за стола и, неожиданно покачнувшись, ухватилась за подоконник. Драматург аккуратно взял её под локоть и повел в одну из двух комнат выходивших в общий зал. Шагая по ускользающим из-под ног половицам, гостя в полной мере ощутила коварное действие хозяйского самогона. В то время как её невесомая душа стремилась улететь ввысь, к чему-то светлому и недоступному, теряющее равновесие тело в поисках точки опоры металось из стороны в сторону, вычерчивая замысловатые зигзаги, и твердая рука Мартова была единственной нитью, связывающей улетающую душу с убегающим телом.

– Штормит? – сочувственно спросил сочинитель, усаживая «плывущую» гостью на широкий диван. – Это бывает с непривычки. Ничего, скоро пройдет.

Он вставил диск в видеоплеер и, сев рядом с Леной, стал что-то рассказывать оживленно жестикулируя. Рассказ был такой же запутанный, как и действие на экране, где несколько женщин в разноцветных трико хаотично металась по сцене, пытаясь что-то объяснить друг другу. Через несколько минут в комнату заглянул Саша, и Мартов, смущённо извинившись, вышел. Оставшись одна, Лена облегченно вздохнула, вытянулась на диване и, положив голову на мягкий подлокотник, закрыла глаза. Из зала слышались приветственные возгласы и поздравления, очевидно, пришли новые гости. А на экране толпу говорливых тёток сменила молчаливая девочка в красном трико.

***

Лена проснулась, когда за окном уже смеркалось. Из-за приоткрытой двери доносился колоритный рассказ Мартова о знаменитых династиях шотландских самогонщиков, прославивших виски на весь мир. На экране телевизора разноцветные женщины беззвучно танцевали с такими же разноцветными мужчинами. Лена удивленно взглянула на часы, получалось, что спектакль шел уже пятый час. Включив свет, она критически осмотрела себя в настенном зеркале и, поправив прическу, вышла в зал. Судя по количеству использованных стаканов и тарелок, гостей приходило много, но теперь за столом оставались только четверо: пожилые мужчина и женщина, – вероятно, супружеская пара; эффектная цыганистая брюнетка бальзаковского возраста с вычурной прической и ярко алыми губами; и порядком нетрезвый Саша, уставившийся в пространство потерянным взглядом.

Мартов сидел на табурете посреди комнаты и настраивал гитару. Увидев Лену, он улыбнулся и объявил:

– Песня о сумасшедшем полярнике.

Закрыв глаза и медленно перебирая струны, сочинитель тихо, словно медитируя, запел с каждым словом, немного меняя тональность:

Во льдах... во льдах...

Во льдах... во льдах...

Мартов резко встряхнул головой, неожиданно сильно ударил по струнам, и в зале зазвучали строгие балладные аккорды:

Во льдах одинокий полярник идет

И ищет его боевой вертолет,

Отрезает ему пути ледокол,

Но полярник идет словно вол.

Автор снова перешел на тихий гитарный перебор:

Во льдах... во льдах...

Во льдах... во льдах...

Он впрягся в сани вместо собак

И тащит палатку свою и рюкзак,

Он на связь не выходит целых семь дней,

Он уже далеко от людей...

Во льдах... во льдах...

Во льдах... во льдах...

Неделю назад он надел маскхалат

И спрятал под ним свой черный бушлат.

Он имя и званье свое позабыл

И рацию утопил...

Во льдах... во льдах...

Во льдах... во льдах...

До полюса он никогда не дойдет,

В торосах его никто не найдет,
Но нужен ему был побег от людей,
Во льдах ему было теплей...
Во льдах... во льдах...
Во льдах... во льдах...

Мартов замолчал, отложил гитару, поднялся с табурета и, прижав левую руку к сердцу, театрально поклонился. Все, включая очнувшегося Сашу, заплодировали, а цыганистая брюнетка, рьяно хлопая в ладоши и, видимо, отождествляя автора с героем песни, чувственно прошептала:

– Никуда ты, Витя, от меня теперь не убежишь...

– Знакомьтесь, это Лена – новая соседка Саши. А это Нина, – представил драматург псевдоцыганку, которая посмотрела на возвратившуюся к столу гостью с откровенной неприязнью.

– И мои соседи – Зоя Тимофеевна и Василий Степанович.

Супруги дружно закивали головами, подтверждая, что это именно они и есть.

– Очень приятно, – Лена подошла к столу и поздоровалась с каждым из гостей за руку.

– А вы оказывается, еще и песни пишете? – обратилась она к Мартову.

– Я пишу всё кроме картин, – гордо ответил тот и, взяв в руки графин с зеленоватой жидкостью, вопросительно посмотрел на Лену. – Сто грамм для настроения?

– Нет, нет, – энергично отмахнулась женщина. – Мне ещё домой ехать.

– Да куда же вы поедете, на ночь глядя? – удивился Мартов. – Здесь не город: фонарей нет; грязь по колено. Увязните, и будете сидеть до утра посреди поля. Оставайтесь у меня, места всем хватит.

– Да, да, да, – согласно заподдакивали соседи. – От нас в такую погоду ночью не выберешься...

Лена неохотно согласилась остаться и выпить чего-нибудь кроме самогона за интересное знакомство.

– И как вам спектакль? – осторожно спросил её Мартов.

– Очень понравился, – не моргнув глазом, слукавила женщина. – Только по-моему он несколько затянут.

– Был у меня такой грех. Мои ранние пьесы иногда разбивают на два вечера, но теперь я пишу значительно лаконичнее. Вот, например, «Голос в пустыне» – всего один акт.

Испугавшись увлекательного знакомства с лаконичной пьесой, Лена поспешно переменяла тему.

– Саша говорит, что на вашем доме часто загораются огни святого Эльма? – спросила она, наливая себе чай из круглого медного самовара.

– Не очень часто, но появляются, – поморщился, словно от зубной боли, сочинитель. – Пойдемте, покажу, что они вытворяют.

Он вывел Лену во двор и указал на блестящий в ровном лунном свете флюгер:

– Видите?

Резвый южный ветер разогнал тяжёлые тучи, и теперь сияющий жестиной кораблик спокойно плыл по ночному звездному небу.

– Вижу, – неуверенно ответила Лена, не понимая, что может быть примечательного в обычном жестином флюгере.

– Ничего вы не видите, – грустно вздохнул драматург. – Огни святого Эльма постоянно клинят подшипник, флюгер перестает вращаться и поэтому всегда указывает одно и то же неверное направление.

Лена еще раз посмотрела на крышу. Действительно, железный корабль упрямо держал перпендикулярный курс галфинд к довольно сильному южному ветру и стремился строго на запад через поле к дачному посёлку научных работников.

– А у вас, Саша говорил, перед последней грозой огни превратились в шаровую молнию? – закуривая, спросил Мартов.

– Да. Как вы думаете, это опасно?

– Не знаю. У меня, слава богу, такого ни разу не случилось.

– А, правда, что вы прогоняете огни своей метлой?

– Да. Если постучать не обязательно метлой, а любой деревянной палкой по крыше, то огни исчезают, но подшипник это, к сожалению, не спасает, – меланхолично ответил писатель. – Кстати, вам я этого делать не советую.

– А я и не собираюсь, – так же меланхолично согласилась Лена. – К тому же у меня никакой палкой до крыши не дотянешься.

– Знаете, я эти огни несколько раз даже сфотографировал. Качество, правда, скверное. Хотите посмотреть?

Мартов достал из кармана новенький мобильный телефон, но тут из дома вышли Василий Степанович и Зоя Тимофеевна. Поблагодарив хозяина за приятный вечер, они, взявшись за руки и слегка покачиваясь, пошли к калитке. Писатель снова взялся за телефон, но тут одно из выходящих во двор окон с треском распахнулось, из него всунулась Нина и, подслеповато всматриваясь в уличную темноту, зычно прокричала:

– Виктор, ну ты куда пропал?

– Иду, иду, – небрежно ответил мужчина и вполголоса добавил. – Вот фурия, поговорить спокойно не даст.

На крыльце Лена остановилась и, внимательно всматриваясь в слабо освещенное уличным фонарем лицо Мартова, спросила:

– А вы не были знакомы с Ольгой Константиновной Муромской?

Писатель серьезно задумался и, наконец, отрицательно помотал головой.

– Вряд ли. А кто она?

– Знакомая моей мамы, – уклонилась от объяснений Лена. – Просто сейчас мне показалось, что я видела у нее вашу фотографию.

– Все может быть, – неуверенно ответил Мартов и широко распахнул входную дверь, пропуская женщину вперед.

– Спасибо, я еще подышу свежим воздухом, а то что-то голова разболелась, – вежливо отказалась Лена.

– Если вы не возражаете, я постелю вам на диване в маленькой комнате. Там, где вы смотрели телевизор.

– Хорошо, спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Оставшись одна, Лена достала из кармана джинсовой куртки тонкую ментоловую сигарету и, закурив, долго разглядывала тонкий ломтик убывающей Луны, зависший над спящим селом.

Когда она вернулась в дом, в зале уже никого не было. На столе гордо сверкал медный самовар с парой чайных чашек, дверь в маленькую комнату была открыта. Диван, как и обещал Мартов, был разложен и постелен, и на нём, тихо посапывая, спал, отвернувшись лицом к стене Саша. Лена, что-то неразборчиво и раздражённо пробормотала, разделась, легла на свободный край дивана и, перетянув одеяло с незваного соседа на себя, по-детски крепко обняла подушку.

Глава 6. Четверг

Эскалатор медленно полз вниз. Навстречу Саше проплывали цилиндрические плафоны светильников и невыразительные лица пассажиров, едущих на выход. Далеко внизу серая вереница людей плавно сходила со ступеней и сбежавшей кашей растекалась по станции. Саша вздрогнул, он хорошо знал этот сон, вечный предвестник надвигающейся беды. Он знал, что никогда не попадёт на платформу, что эскалатор навсегда приковал его к середине своей бесконечной ленты, и он будет изо всех сил, задыхаясь и хрипя, бежать по левой стороне едва ползущей лестницы до тех пор, пока не закричит и не проснется от собственного крика. Не дожидаясь бросающей в жар развязки, Саша невероятным усилием воли покинул пугающе-душную подземку и очнулся от беспокойного сна в прохладном и безопасном домике Мартова. Через открытое окно в пустую комнату вливался свежий утренний воздух, а из небольшого яблоняного сада доносился суетливый щебет птиц. Пугаясь в рукавах и штанинах, он кое-как оделся и, поддерживая руками гудящую голову, вышел в зал. Там никого не было, а рядом с самоваром стояли полупустой графин и большое блюдо с заветревшимися разносолами. Выпив стопку самогона и закусив пригоршней квашеной капусты, мужчина подошел к окну. Во дворе, возле дровяной колоды, Мартов, держа в руках флюгер, что-то весело рассказывал улыбающейся Лене. За спиной у Саши чуть слышно скрипнула дверь, и из спальни писателя вышла расстрёпано-заспанная Нина. Едва приоткрыв глаза, она, сомнамбулически прошлепала босыми ногами на кухню и загремела там металлической кружкой о бак с белым квасом. Саша вышел на крыльцо и, поздоровавшись с Леной и Мартовым, закурил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.